

Оценка атрибутивной конструкции в современном удмуртском речевом сообществе

Удмуртские прилагательные обычно не имеют формального различительного знака, в предложении они выступают в большинстве случаев в качестве определения или сказуемого. В роли определения в качестве прилагательного, как и во многих других финно-угорских языках, также используются некоторые существительные. К этому типу существительных относятся и вещественные имена существительные: *пу корка* «деревянный дом», *корт гур* «железная печь», *буртчин кышет* «шёлковый платок».

Но кажется, что для носителей современного удмуртского языка в качестве определения, кроме вещественного существительного в именительном падеже, – по крайней мере, в случае одного заимствованного из русского языка вещественного существительного – представляется целесообразным использование заимствованной прилагательной формы или определенной конструкции, состоящей из имени существительного с определенным суффиксом и причастием.

Рассмотренное мной вещественное существительное *киртич* является заимствованным из русского языка. Предложение, составленное с данным словом, первоначально служило для тестирования порядка слов. Информантам необходимо было оценить правильность предложения, но в случае, если они считали его неправильным, требовалось исправить на правильный вариант.¹

¹ В исследовании приняли участие 192 информанта, разделенные по возрастному цензу, по месту жительства и образованию. Сбор материала был проведен в 2005-2006 годах с помощью анкетирования.

В последующем я буду рассматривать только касающиеся атрибутивных конструкций исправления¹.

Мон улйсько тӧды кирпич юртын [3: 79]

я жиSg1 белый кирпич зданиеIness.

«Я живу в белом кирпичном здании.»

Исследуемое слово встречается уже в словаре Мункачи: *kirpič* (Sar. Kaz.) (or.) *tégla* [4]. Удмуртско-русский словарь, выпущенный в 1983 году, в качестве русского соответствия удмуртскому слово *кирпич* даёт как имя существительное, так и имя прилагательное: «кирпич, кирпичный». Кроме того, в этом словаре в качестве отдельного слова присутствует заимствованная из русского языка прилагательная форма, как часть атрибутивной конструкции: удм. *кипичной*: ~ *чай*, приведенное русское значение: «кирпичный чай», то есть пресованный чай [7].

Большая часть прилагательных русского происхождения в качестве постоянного или случайного заимствования попали в удмуртский язык как часть атрибутивной конструкции: русс. *районная газета* > удм. *районной газет*, русс. *общее собрание* > удм. *общей собрание*, русс. *драматический кружок* > удм. *драматической кружок*. Можно предположить, что в качестве случайного заимствования, встречается в удмуртском языке также и русское прилагательное *кирпичный*.

Согласно удмуртским орфографическим правилам, заимствованные из русского языка прилагательные или сохраняют имеющееся в передающем языке окончание (-ий), которое по смыслу зависит от рода определяемого слова, или получают окончание -ой/-ей. Если прилагательное в заимствованной атрибутивной конструкции переводится на удмуртский, его нужно перевести, напр. *капчи атлетика* «легкая атлетика». Если прилагательное не переводится, значит, нет удмуртского соответствия, русское прилагательное, в свою очередь, образовано из имени существительного, в удмуртском языке используется существительная форма, напр. *трактор бригада* «тракторная бригада» [5: 27; 6: 88].

Согласно вышесказанному, *кирпич юрт* «кирпичное здание» грамматически является правильной конструкцией. Несмотря на это, данную конструкцию 19 человек (10% информантов) оценили как подлежащую исправлению.

Из них девять информантов заменили вещественное существительное, квалифицированное в качестве определения, на заимствованное прилагательное согласно главному орфографическому правилу о заимствовании прилагательных из русского языка:

Мон улйсько тӧды кирпичный юртын.

¹ Исправления, подходящие для языкового исследования, относились к порядку слов (перенос глагола в конец предложения), а также к использованию слова (например, вместо *юрт* «здание» *корка* «дом»). Один из информантов объяснил свою оценку правильности предложения не с грамматической точки зрения. Он посчитал предложение ошибочным потому, поскольку: «я не в кирпичном, а деревянном доме живу». Вывод: надо быть осторожным с тестируемыми предложениями в 1 лице ед. ч.

я жиSgI белый кирпичAdjSuffix зданиIness

Можно предположить, что сужение сферы использования удмуртского языка способствовало оценке информантами наиболее часто встречающейся формы заимствованных прилагательных как более естественной.

У других девяти информантов качественное определение образуется с помощью конструкции существительного с наречным суффиксом и причастия. Один из информантов выделил в качестве тестируемого определения существительное с наречным суффиксом, но без причастия.

Мон улйсько тӧды киртичлэсь жутэм юртын.

я жиSgI белый кирпичAbl подняPart зданиIness

Мон улйсько тӧды киртичлэсь пуктэм юртын.

я жиSgI белый кирпичAbl построPart зданиIness

Мон улйсько тӧды киртичлэсь юртын.

я жиSgI белый кирпичAbl зданиIness

Последний из данных вариантов тем более возможен, поскольку в современном удмуртском языке, как и в большинстве финно-угорских языков, качественное определение, выраженное именем прилагательным, не согласовывается с определяемым словом ни в числе, ни в падеже. Эта ситуация прослеживается и в удмуртском языке [1:30]. Однако, в нем возможно согласование определения с определяемым словом в числе и в падеже, но частота использования согласованной конструкции, особенно падежного согласования, довольно редкое явление [2: 185].

В случае использования вышеуказанных конструкций можно выделить русскую интерференцию как один из способов решения того, что определение должно быть морфологически маркированным каким-нибудь образом. Однако эти конструкции можно привести в параллель с встречающимися в венгерском и других финно-угорских языках атрибутивными конструкциями, образованными из наречий, а также сложных слов, например, *jó házból való úrilány* (хороший домElat бытьPart дворянская девушка) «дворянская девушка из хорошего дома», *tejbegríz* (молокоIllаткрупа) «манная каша». Таким образом они могут сформироваться самостоятельно, независимо от русского языка. В этом случае мы можем предположить, что основная функция более длинной, раздробленной конструкции заключается в подчеркивании, выделении. Но вышеприведенный порядок слов, скорее всего, противоречит этому.

Существование рассмотренных конструкций в качестве языкового варианта можно считать вероятным. Однако, из-за того, что исследование, собственно говоря, не было направлено на анализ атрибутивных конструкций, невозможно сделать заключение о правилах использования языковых переменных, о предполагаемой взаимосвязи между ними и социологическими факторами. Не выяснилось также и мнение информантов об атрибутивных конструкциях, содержащих нестандартные, а значит, заимствованные из русского языка прилагательные, а также содержащие суффиксальные существительные. Число информантов, сделавших исправления, невелико, но

одобрительный выбор подавляющего большинства носителей языка можно приписать также к ситуации анкетирования. В любом случае, данная конструкция может стать пригодной для социолингвистических исследований, естественно, на основе дальнейших исследований с помощью целенаправленных анкет, а также на основе дополнительных текстов, представляющих разговорный удмуртский.

Литература

1. Lakó György A magyar mondat szerkezet finnugor sajátosságai. Az Uralisztikai tanszék kiadványai 2. Pécs, 1991.
2. Ефремов Д.А. О случаях согласования удмуртского прилагательного с определяемым словом в числе. In: Вопросы пермской и финно-угорской филологии. Пермистика 9. – Ижевск, 2002. – С. 182-192.
3. Каракулов М.К., Каракулов Б.И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. – Ижевск, Издательский дом «Удмуртский университет», 2001.
4. Munkácsi Bernát. Votják szótár. – Budapest, 1890.
5. Шонер гождяськон. (Сост. Тараканов И. В.) Удмурт кылын шонер гождяськонъя кыллюкам. – Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН, 2002.
6. Удмурт кыл. Никольская Г.Н., Тараканов И.В. Удмурт кыл 6-7-ти классёслы. – Ижевск, Издательство Удмуртия, 2005.
7. Удмурт-зуч словарь. Ред. В.М. Вахрушев, 1983.